

ЕЛЕНА МАСЮК УШЛА С ТЕЛЕКАНАЛА «РОССИЯ».

ГОСУДАРСТВЕННОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ НЕ НУЖНЫ ЕЕ ПРОГРАММЫ

Не хочу работать на «Путин-ТВ»

СКАНДАЛ

Елена ЛАНКИНА

Ее уход с канала для многих стал неожиданностью. Многие были уверены, что на «России» Елена Масюк жилось гораздо лучше, чем другим. Она была руководителем студии авторских программ, советником председателя ВГТРК. О причинах своего решения и ситуации на госканале корреспонденту «МН» рассказала сама Елена МАСЮК.

— Вам действительно создали особые условия, о которых не без возмущения твердят в ВГТРК?

— Когда это говорят, я не могу взять в толк, в чем они заключались. В особой зарплате? Нет. В условиях работы? Тоже нет. Некоторые считали, что мы могли бы работать быстрее, хотя у меня была договоренность с руководством о том, что мои программы выходят в эфир по мере их готовности. Сначала у меня выходили программы по 26 — 30 минут, потом хронометраж увеличился до часа и двух. На большие программы времени, естественно, затрачивается больше. Ну да, можно пригласить человека и быстренько поговорить с ним в студии. Но это — разговорный жанр, а не журналистское расследование. Частота выхода программы или ее хронометраж, по-моему, не определяют качества продукта.

— Вас обвиняли в низкой производительности?

— Мне давали понять, что проекты мои стоят дорого и выходят редко. И начались эти упреки года полтора назад. До этого моя работа всех устраивала. В 2003 году мы начали большой проект «Иероглиф дружбы» об истории советско-китайских и российско-китайских отношений. Председатель ВГТРК Олег Борисович Добродеев был в курсе наших планов. Почти три месяца мы были в командировках, а потом долго собирали материал. С огромным трудом добывали информацию о том, сколько островов Россия отдала Китаю в 90-е годы и сколько собирается отдать, успели снять спорные острова, которые Путин позже отдал Китаю. Говорили, там никто не живет. На самом деле там были дачи и охотничьи угодья.

«Иероглиф дружбы» состоит из четырех серий. Я сдавала Олегу Борисовичу одну серию за другой. Ему все нравилось, и мы обговаривали, как фильм пойдет в эфир. Его должны были показывать четыре вечера подряд. После того как мною была сдана последняя серия, случились выборы в Государственную думу, и Добродеев сказал: «Мы это ставить не можем». Не хочу рассказывать всех подробностей моих мытарств. В итоге проект был показан в 17 городах России. Я купила права на его показ региональными компаниями.

— Как это купила? На собственные деньги?

— Да. Мною лично были куплены права на один показ фильма на определенных каналах. На всех копиях убрали копирайт ВГТРК. Везде

Елена Масюк — чемпион ТЭФИ

стояло «Елена Масюк». На ВГТРК, наверное, рассчитывали, что я смирюсь с тем, что мой проект положили на полку, и все останется шито-крыто. Но одна из показывавших его компаний выдвинула фильм на ТЭФИ в номинации «Журналистское расследование». И он получил премию.

— Вопреки желанию некоторых академиков. По этой номинации они голосовали дважды и потом «разделили» премию на двух претендентов.

— Да, моя программа и программа «Достояние республики» канала «Культура» набрали одинаковое число голосов. Познеру пришлось выступить и сказать, что впервые за десять лет в одной номинации будут вручены две ТЭФИ. А я до сих пор не верю в честность этих голосований. В любом случае в судьбе фильма эта статуэтка ничего не изменила. Он так и лежит на полке. Теперь я понимаю — мне надо было уйти с канала сразу, когда руководство не выдало проект в эфир. Это был сигнал. Потом все, что я ни делала, Олег Борисович даже не смотрел. Последние три месяца мне не платили зарплату.

— ?

— Все очень просто. Нас задним числом перевели на «Россию» из ВГТРК, как и другие производящие компании. В середине января мне сказали, что надо написать заявление, датированное 31 декабря, об уходе с ВГТРК и переходе на телеканал «Россия». Мне предложили такой «замечательный» контракт, который я не могла подписать, — абсолютно рабский с зарплатой две тысячи рублей. Мой юрист соста-

треть. По-моему, канал не преследовал цели со мной договориться. Там хотели указать мне на мое место. Это было волей людей, которые работают с Добродеевым. Этим каналом правит уже не он, а одна женщина, которая до прихода на телевидение занималась тиражированием и распространением малодостойной кинопродукции. Я не буду называть ее имя. На «России» муха не пролетит, пока она не скажет «да». Добродеев отошел от управления компанией. Он далеко, в Кремле, а на хозяйстве — эта дама, правящая на доступном ей уровне. Когда я говорила ей: «Как же так — я работаю, а денег не получаю», — она отвечала: «Вы не работаете, пока нет приказа о вашем зачислении!» Меня откровенно выживали: игнорировали, не пускали в эфир программы, не платили зарплату. На «России» творится абсолютный беспредел. Она живет по понятиям одного человека. Там все рабы.

— Государственное телевидение всегда было громоздкой бюрократической машиной, не учитывавшей интересов работающих на нее людей.

— А многие от нее без ума! Олег Борисович этой осенью мне так и сказал: «Лена, ты не понимаешь всей прелести бюрократии!» Раньше все было по-другому. Когда я пришла на канал, я не чувствовала особой разницы между «Россией» и НТВ, на котором работала раньше. Три с половиной года мне давали нормально работать. Рубиконом стала программа «Иероглиф дружбы». В политическом смысле все изменилось после выборов-2003. До этого страна существовала в одной жизни, потом стала существовать в другой. На телевидении

больше не нужны новости, свободная журналистика, правда вообще. Только то, что требуется Кремлю. Канал «Россия» все больше превращается в «Путин-ТВ», где всех занимает один вопрос: как скрыть президентскую плешь. Всем уже известен ракурс, в котором президента показывать нельзя.

— На «Путин-ТВ» вам места нет. У нас потихоньку складывается пул телевизионщиков «нон грата», по разным причинам оттертых от эфира. Некоторые из них переходят в печатные СМИ или уезжают за пределы столицы. Вы не рассматриваете такие варианты?

— Пока нет. Хотя есть реальная опасность остаться вне тележурналистики, вообще вне профессии. Думаю, ни на одном из наших каналов мне не предложат работу. Не уверена, что могла бы работать в прессе. Телевидение и пресса — разные вещи. Что касается регионов, там нет денег на серьезные телепроекты. Конечно, было бы здорово, если бы кто-нибудь выкупил права на «Иероглиф дружбы» и показал его на каком-нибудь центральном канале.

— Вы думаете, у нас остался хоть один свободный и правдивый канал?

— Островки правды только на некоторых каналах и только в глубокой ночи. В прайм-тайм все гонят сериалы, чтобы пилл не успел задуматься. Все боятся, что их закроют, что отберут лицензию. Все программы и каналы балансируют на грани. Острого, честного телевидения, которое мы любили, уже нет. Есть телевидение прилаженное. Вместо журналистов — гримеры. Вместо публицистики — агитки. Мы только смеемся и агитируем. ■